

Русское искусство за-границей.

"БРЕТАНЬ" БОРИСА ГРИГОРЬЕВА

На чужбинѣ — нашъ художникъ создалъ свою Бретань.

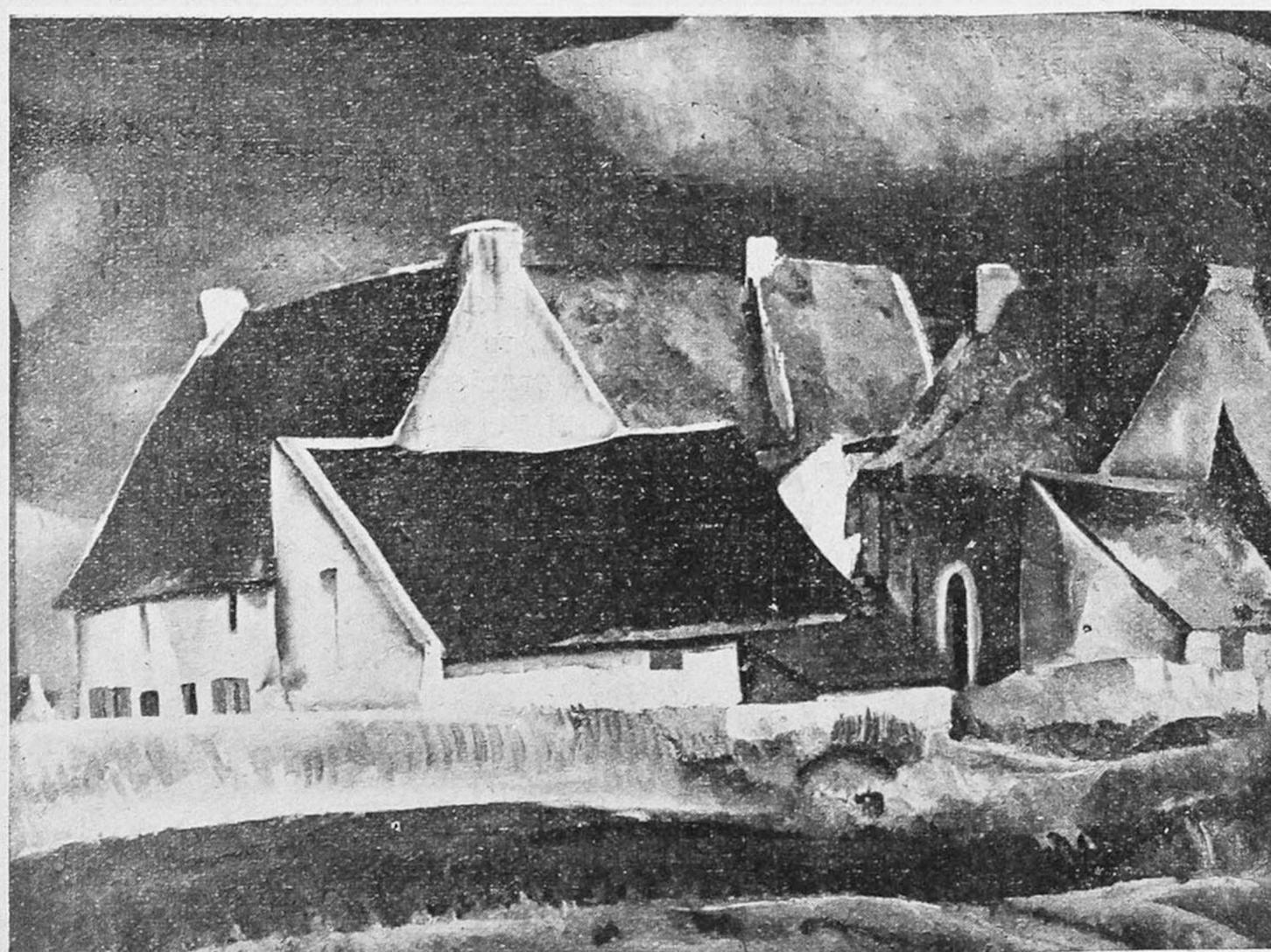
Здѣсь передъ нами и сельскій ландшафтъ Иль-де-Бреа — великолѣпіе живописнѣйшихъ бретонскихъ цѣѣтниковъ, огородовъ и полей. Здѣсь и строгія архитектурныя окаменѣвшія формы старого Понтъ-Авена, — группирующееся вокругъ высящейся колокольни живописное сочетаніе острыхъ крышъ и уходящая вдали перспектива своеобразной бретонской улицы. Здѣсь, наконецъ, и старинная вѣковая деревенская каменная Бретань, разбросанная мелкими гнѣздами въ округѣ Геранды, въ странѣ голыхъ дорогъ, окаймленныхъ однообразными прямоугольниками соленої воды, отражающими въ своей прозрачной поверхности всѣ отблески проходящихъ дней...

Борисъ Григорьевъ, мастерски владѣющій формой, Борисъ Григорьевъ, увлекаемый разрѣшеніемъ живописныхъ задачъ, которые ставить передъ нимъ сама природа, передъ лицомъ которой онъ свершаетъ свое творчество, появляясь въ этихъ своихъ холстахъ, посвященныхъ Бретани, всю силу своего художественнаго призванія.

Но уже издавна того же Григорьева томить и другая требующая еще болѣе патетического и напряженного искаспія задача. Опять давно, бродя по міру, ищетъ разрѣшенія и другой большой загадки, приковывающей къ себѣ художниковъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Эта загадка — тайна человѣческаго лица, и въ бретонскихъ портретахъ, такъ напоминающихъ намъ творчество старыхъ фламандцевъ, а порою какъ бы возвращающихъ насть въ міръ

Б. Д. Григорьевъ. *Marie-Ange.*

Б. Д. Григорьевъ. *Бретонская деревня.*

старинныхъ примитивовъ. Борисъ Григорьевъ вплотную подходитъ къ ея разрѣшенію.

Вотъ они эти большие портреты бретонцевъ... Старики и старухи... Старые рыбаки и морскіе волки, знающіе весь ужасъ гнѣвнаго Океана... Вотъ эта длинная вереница бретонскихъ старухъ съ лицами, изборожденными глубокими морщинами, въ своей старости какъ бы взирающихъ на насть изъ потустороннаго міра. И вотъ немногіе портреты еще только что вступившихъ въ загадочную жизнь бретонокъ, съ ихъ прихотливыми бѣлыми кружевными куафками — головными уборами...

Въ этихъ картинахъ нѣть ни малѣйшаго излишества, ничего излишне-подчеркивающаго мѣстный колоритъ. Всѣ украшающіе виѣшніе аксессуары фона изгнаны съ этихъ большихъ холстовъ, и съ нихъ на насъ неотступно взираетъ лишь одно человѣческое лицо.

Лоллій Львовъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КУРОРТНЫЙ НОМЕРЪ РОССІЯ

НА КУРОРТЪ

Иностранецъ: — Извините, сударь... Вы такъ худы... Не можете ли вы сообщить мнѣ вашъ режимъ?

Русскій: — Извольте: — совѣтскій!

№ 32 (117)

Парижъ, суббота 6 Августа 1927 г.
Цѣна отд. № 3 фр.
во Франції

КУРОРТНЫЙ НОМЕРЪ

LA RUSSIE ILLUSTREE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

4-й годъ изданія

Редакторъ: М. П. МИРОНОВЪ

Редакція и Гл. Контора
34, RUE DE MOSCOU, PARIS (8)
Tél.: Central 92-26

4-ème année

Directeur: M. MIRONOFF

Rédaction et Administration
34, RUE DE MOSCOU, PARIS (8)
Tél.: Central 92-26

БОЛЬШОЙ ФОНТАНЪ.

Разсказъ А. И. КУПРИНА.

Великая вещь дружба. И тѣмъ бо-
льше она драгоцѣнна, что становится ничѣмъ не пахнуть, или, вѣрнѣе, изумленный диковиннымъ, незнако-
въ наше время рѣдчайшимъ явлені-
емъ.

Ужасна измѣна друга. Еще страш-
нѣе смерть его. Но неизмѣримо гор-
ше, когда вѣрнѣйшаго и любимѣйшаго
друга выкрадутъ изъ вашего сердца,
какъ часы изъ жилетнаго кармана.
Надо ли говорить, что въ этой тяжелой
утратѣ роль похитителя всегда при-
надлежитъ женщинѣ? Мы мужчины,
не только охотно терпимъ жениныхъ
подругъ дѣвичества, но даже даримъ
пріязнью ея бывшихъ поклонниковъ.
Женщина же скорѣе проститъ мужу
его холостые романишки, чѣмъ по-
терпить въ своемъ домѣ самаго вели-
кодушнаго друга его молодости.

Такъ вотъ, и я навсегда и безна-
дежно потерялъ завѣтнаго дружка,
Мишенъку Говоркова. Онъ исчезъ,
погибъ, вывѣтился, выдохся на мо-
ихъ глазахъ... А надо сказать, что
былъ онъ самымъ убѣжденнымъ хо-
лостякомъ, врагомъ семейной изнѣ-
женности нравовъ, свободолюбцемъ,
человѣкомъ крупнаго таланта, же-
лѣзной воли и стальнѣхъ нервовъ...
Погубилъ его Большой Фонтанъ, по-
лу-дачное полу-курортное приморское
мѣстечко подъ Одессой. О, если бы я
могъ предвидѣть, что онъ, мощный
сѣверянинъ не устоитъ передъ колдов-
ской отравой одесского больше-фон-
танскаго юга! Я сумѣлъ бы откло-
нить, устраниТЬ бѣду. Но — увы! —
наше человѣческое предвидѣніе будущаго, къ несчастію, такъ еще ограни-
чено...

Дьявольская зараза пришла какъ
разъ въ началѣ лѣта, въ періодъ
цвѣтенія бѣлой акаціи.

Надо сказать, что на югѣ цвѣты скаго парка и вдругъ останавливается,
пахнуть не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. Въ мымъ, никогда доселъ неслыханнымъ
запахѣ сирени чувствуется примѣсь ароматомъ. Какая то щекочущая ра-
бензина и пыли, резеда отдаетъ ню-
хательнымъ табакомъ, левкой — ка-
блокоуханіи, заставляющемъ ноздри
пустой, жасминъ — навозомъ. Однѣ широко раздуваться и губы невольно
всемъ мірѣ. Но ихъ мы трогать не
будемъ: онъ царственно милостивы и
неприступны. Бѣлая акація — цвѣ-
токъ колдовской, коварный и злобный.

Однажды утромъ неопытный сѣве-
ренъ идетъ по дорожкѣ Ковалев-

Однако на завтра совсѣмъ другое
впечатлѣніе. Вы чувствуете, что весь
Большой Фонтанъ, повинуясь дурац-
кой модѣ, продушенъ тѣми сладкими
крѣпкими, терпкими, теперешними ду-
хами, отъ которыхъ хочется чихать и
отъ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ вер-
тять носомъ и чихаютъ чуткія собаки.
На слѣдующій день пахнетъ уже не
духами, а противными дешевыми, па-
хучими конфетами, или тѣмъ ужас-
нымъ душистымъ мыломъ, запахъ ко-
тораго на рукахъ не вывѣтывается
втеченіе недѣли.

Еще черезъ день сѣверянинъ начи-
наетъ злостно ненавидѣть бѣлую ака-
цію. Ея бѣлыя висячія гроздья по-
есяду: въ садахъ, на улицахъ, въ
паркахъ, въ домахъ и въ ресторанахъ;
онъ вплетены и въ гривы извоющихъ
лошадей, воткнуты въ петли муж-
чинъ, пришпилены къ женскимъ во-
лосамъ и бедрамъ, украшаютъ вагоны
трамваевъ, привязаны къ собачьимъ
ошейникамъ.

Нигдѣ нѣтъ спасенія отъ одуряю-
щаго цвѣтка и отъ его возбуждающаго,
наркотического дѣйствія. Всѣ Фон-
таны — Малый, Средній и Большой
охвачены на нѣсколько недѣль по-
вальнымъ безуміемъ, одержимы какой-
то чудовищной эпидеміей любовной
горячки.

А. И. КУПРИНЪ
Въ саду.